

А. С. ПУШКИН «САЛЬЕРИ»

И

Выполнили:
Ученицы 9 «А» класса
Кочеткова Дарья и Тельманова Александра

Содержание

- История создания и замысел
- Сюжет
- Анализ произведения
- Мнение критиков

История создания и замысел

- Исследователи творчества А. С. Пушкина сходятся в том, что замысел маленькой трагедии «Моцарт и Сальери» относится к 1826 году, и в том же году в селе Михайловском был сделан по крайней мере первоначальный её набросок.
- О том, как складывался замысел «Моцарта и Сальери», достоверных сведений нет. В сохранившейся среди Пушкинских бумаг записи, сделанной предположительно не раньше лета 1832 года, он ссылался на «некоторые немецкие журналы», что, однако, нельзя считать непреложным указанием на источник замысла. Михаил Павлович Алексеев считал, что Пушкин мог сослаться на немецкие журналы, не указывая их более точно, с тем чтобы дезориентировать своих оппонентов, критикующих основу сюжета, и подобно тому, как и всю пьесу он первоначально хотел выдать за перевод с немецкого, переложить ответственность за неё на немецкие источники.

Сюжет

- **Сцена первая** открывается пространным монологом Сальери. Умертвив звуки и разъяв музыку как труп, он напряжённым трудом и глубоким постижением ремесла в конце концов добился «степени высокой». Никогда прежде не знавший зависти, Сальери признаётся в том, что глубоко и мучительно завидует Моцарту.
- Появляется Моцарт вместе со слепым стариком — уличным скрипачом, забавно, на взгляд Моцарта, исполняющим популярные арии из его опер. Сальери, однако, ничего забавного в «интерпретациях» старика не находит: «Мне не смешно, когда маляр негодный Мне пачкает Мадонну Рафаэля».
- Но Моцарт своего величия не сознаёт. Он играет на фортепиано свежее сочинение, небрежно охарактеризовав его как «две-три мысли», и от оценки потрясённого Сальери: «Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь», — легкомысленно отшучивается: «божество моё проголодалось».
- Моцарт уходит, а Сальери, оставшись один, убеждает себя в том, что призван «остановить» Моцарта; в противном случае гибель грозит не одному Сальери, но всем служителям музыки:
*Что пользы в нём? Как некий херувим
Он несколько занёс нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!*
- Остановить Моцарта он намерен с помощью яда — последнего дара, «дара любви» некоей Изоры, который он носит с собой уже 18 лет.

- **Сцена вторая.** В тот же день, некоторое время спустя, Сальери и Моцарт обедают в трактире Золотого Льва. Моцарта тревожит Реквием, который он сочиняет по заказу человека в чёрном, не назвавшего своего имени. Моцарту кажется, будто «чёрный человек» повсюду, как тень, ходит за ним и теперь сидит рядом с ними за столом. Сальери, пытаясь развлечь друга, вспоминает Бомарше, но Моцарта преследуют мрачные предчувствия: «Ах, правда ли, Сальери, Что Бомарше кого-то отравил?» — спрашивает он. Но тут же сам себя опровергает:

*Он же гений,
Как ты да я. А гений и злодейство —
Две вещи несовместные. Не правда ль?*

Сальери тем временем бросает в его стакан яд. Простодушный Моцарт пьёт за здоровье друга, «за искренний союз, Связующий Моцарта и Сальери, Двух сыновей гармонии». Затем садится к фортепиано и играет фрагмент из своего Реквиема. Сальери слушает его со слезами на глазах.

- Почувствовав недомогание, Моцарт прощается с другом и уходит — в надежде, что сон его исцелит. «Ты заснёшь надолго, Моцарт», — напутствует его, оставшись один, Сальери, теперь как будто потрясённый тем, что он, совершивший злодейство, — не гений.

Анализ произведения

Сальери

- Исторический прототип: итальянский композитор Антонио Сальери (1750-1825), автор сорока с лишним опер, пользовавшихся в конце XVIII в. большой популярностью.
- В названии трагедии имя Сальери стоит на втором месте, главным персонажем является он, а не Моцарт. Роль Сальери больше по количеству стихов, у него три монолога (у Моцарта ни одного), причем два из них весьма пространные. В монологах-исповедях Сальери излагает свои воззрения на искусство и свою жизненную философию.
- Тайная цель С. — сделаться гением большим, чем Моцарт, проявив свою гениальность уже не в музыке, а на земле и «выше», ибо правды нет ни там, ни здесь, и он, С., призван такое положение исправить.
- Маленьких людей С. презирает (уличный скрипач для него «фигляр презренный», который бесчестит пародией высокое искусство); гениев же ненавидит. Первые в глазах С. слишком малы, вторые чересчур высоки — те и другие не укладываются в понятие меры, а значит, и справедливости.

Моцарт

- Пушкинский Моцарт столь же далек от реального Вольфганга Амадея Моцарта (1756-1791), сколь и весь сюжет трагедии, основанный на легенде, будто Моцарт был отравлен Антонио Сальери, питавшим к нему жгучую зависть. Известен комментарий Пушкина, касающийся интриги трагедии: «Завистник, который мог освистать «Дон Жуана», мог отравить его творца». В этом высказывании ключевым словом является гипотетическое «мог», указывающее на художественный вымысел.
- Образ Моцарта представлен в трагедии двояко: непосредственно в действии и в монологах Сальери, который только и думает о нем, оставаясь наедине с самим собой, разъедаемый завистью к «гуляке праздному», озаренному бессмертным гением «не в награду» за труды и усердие. Моцарт, каким он явлен в действии, близок словесному портрету, составленному Сальери. У Пушкина Моцарт по-детски открыт и безыскусен.
- Примечательная особенность — у Моцарта отсутствуют реплики, произносимые «в сторону» и выражающие обычно «задние мысли». Таких мыслей у него нет в отношении Сальери, и он, разумеется, не подозревает, что поднесенная тем «чаша дружбы» отравлена. Пушкин в образе Моцарта нашел идеал «прямого поэта».

Мнение критика С. Булгакова

- Эта пушкинская драма, принадлежащая к числу высочайших достижений мирового искусства и напряженнейших пушкинских вдохновений, благодаря своей глубине и беспримерной краткости всегда остается несколько загадочной. Хочется снова и снова всматриваться в эту жуткую и темную глубину первозданного естества человеческого. Пушкинская пьеса, вмещающаяся на нескольких страничках и состоящая всего из двух сцен, есть воистину трагедия, в которой обнажаются предельные грани человеческого духа. Отсюда и ее торжественная серьезность, и религиозная проникновенность. Перечитывая и передумывая ее, проникаешься новым восторгом и суеверным почти удивлением перед этим чудом пушкинского творчества, которому так многое открыто в его вдохновениях.